

Н. И. ЛАПИЦКАЯ

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ОБ ОДНОМ ПРЕЦЕДЕНТНОМ ИМЕНИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В статье рассматривается одно из собственных имён русских фольклорных текстов, ставшее средством иносказания и превратившееся в слово-понятие.

В последнее время активно развивается интерес к роли прецедентных имён, которые концентрируют в себе представления о культурных ценностях народа, выражают особую экспрессию, обогащают текст культурно-исторической информацией. Под прецедентным именем, вслед за Д. Б. Гудковым, мы понимаем «инди-видуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (*Обломов, Тарас Бульба*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Моцарт, Ломоносов*)» [1, с. 108]. В данной статье будет показано функционирование одного прецедентного имени русского фольклора (*Баба Яга*).

Цель данной работы – описание имени *Баба Яга*, у которого появились вторичные значения, определённая коннотация, и которое, таким образом, стало именем-понятием.

Деление лексики на собственные и нарицательные имена (далее ИС и ИН) – один из традиционных способов классификации лексического состава любого языка.

По мнению А. В. Суперанской, возможность перехода собственных имён в нарицательные появляется тогда, когда: «1) денотат имени имеет достаточную известность у всех членов определённого языкового коллектива; 2) имя перестаёт связываться с одним денотатом и становится типичным для многих похожих друг на друга людей, поселений, рек и т.д.» [2, с. 15].

Чаще всего это происходит в тех случаях, когда апеллятивами становятся собственные имена, имевшие в прошлом референтные коннотации, или созначения, которые, усиливаясь, становятся их значениями. О полной апеллятивации коннотативных онимов (чаще – антропонимов) можно говорить только тогда, когда тот или иной коннотоним порывает связь с породившим его первичным собственным именем, ещё не развившим эти созначения. Причины такого разрыва разные. Одна из них состоит в том, что присутствующий в слове элемент стилистической коннотации обладает признаком асимметричности: большинство оценок – пейоративного, меньшинство – мелиоративного планов. Это же наблюдается и у коннотативных онимов (коннотонимов), добавочные смысловые оттенки которых и их стилистическая окраска чаще всего выражают неодобрительное отношение. На первом этапе семантического развития таких имён последние функционируют в речи в двух состояниях – как «чистое» собственное имя и обогащённый поздними семантическими «надбавками» оним. Затем между ИС и ИС1 происходит постепенный семантический разрыв, так что ИС может совершенно теряться (н-р, *олух*, первоначально ИС).

Кроме перехода в ИН, ИС очень активно подвергается процессу метафоризации.

Следует отметить, что метафоризация значений очень свойственна современному языку и языковому сознанию. Одна из таких моделей метафоризации в языке – это контекстуальная семантизация прецедентных онимов, под которой понимается процесс развития у данных единиц переносного значения и интерпретации значения субъектом речи

и адресатом [3, с. 6]. «Недостаточные структуры» [4, с. 157], каковыми традиционно считаются онимы, становясь средством иносказания, вторичной номинации и образной префикации, превращаются в слова-понятия.

Развитие у ономастических единиц подобных лексико-семантических вариантов «можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира» [5, с. 32]. При этом сами значения, безусловно, культурно обусловлены, специфичны для разных национальных языковых картин мира. Так, в русскоязычных источниках у топонима *Вавилон* отмечаются следующие переносные значения: «место с разноязычным и разноплеменным населением», «место, отличающееся социальной пестротой», «сумятица, сутолока, шумное многолюдье», «толчея, давка» [5, с. 45–56].

Экспрессивный потенциал онимов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Имена подобного рода принято называть прецедентными онимами. Они очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто поведать читателю о чём-то, но и разъяснить ему глубинный смысл событий, сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию» [6, с. 203].

К именам-символам, указывающим на некоторую эталонную совокупность определённых качеств, можно отнести некоторые имена, функционирующие в фольклорных текстах, в частности онимом *Баба Яга*.

Баба Яга – персонаж славянской мифологии и фольклора (особенно волшебной сказки) славянских народов, старуха-чародейка, наделённая магической силой, ведунья, оборотень.

По своим свойствам Баба Яга ближе всего к ведьме. Чаще всего она – отрицательный персонаж. Помимо русских, встречается в словацких и чешских сказках.

В славянском фольклоре Баба Яга обладает несколькими устойчивыми атрибутами: она умеет колдовать, летать в ступе, живёт в лесу, в избушке на курьих ножках, окружённой забором из человеческих костей с черепами. Она заманивает к себе добрых молодцев и маленьких детей и зажаривает их в печи.

Согласно крупнейшему специалисту в области теории и истории фольклора В. Я. Проппу, выделяются три вида Бабы Яги: дарительница (она дарит герою сказочного коня либо волшебный предмет); похитительница детей; Баба Яга-воительница, сражаясь с которой «не на жизнь, а на смерть», герой сказки переходит к иному уровню зрелости. При этом злобность и агрессивность Бабы-Яги не являются её доминантными чертами, но лишь проявлениями её иррациональной, недетерминированной природы [7].

Мы видим, что образ Бабы Яги отличается двойственностью: с одной стороны, она помогает главному герою сказки, с другой – является злой, страшной старухой.

Прецедентное имя – *Баба Яга* – отражает всё-таки пейоративную коннотацию, связанную с образом. Оно имеет, на наш взгляд, следующие значения:

1) персонаж славянской мифологии и фольклора (особенно волшебной сказки) славянских народов, старуха-чародейка, наделённая магической силой, ведунья, оборотень:

Заглянула Зайка в окошко, а в избушке Баба-яга спит, распустила длинные уши: одно ухо вместо подушки, а другим, будто одеялом, с головкою покрыта (А. М. Ремизов. Зайка (1905)) [8].

2) Злобная, зловредная женщина:

Ну, мнения разные, конечно, бывают, только, по моему мнению, плохо, когда в топике, в котором автор так в отчаянии и расстроенных чувствах появляется такая баба яга, которая против и высказывает свое мнение, от которого автору ни холодно, ни жарко, и еще хуже, когда сцепляются два и более участников и начинается пустая и бесполезная перепалка о том, кто прав, кто виноват (Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)).

Дома теща – **Баба Яга**, жена – ведьма, соседка – **Василиса Прекрасная**, а ее муж – **Иванушка-дурачок**, кстати, он тоже депутат! (Коллекция анекдотов: Верховный совет и Дума (1989 – 2000)).

Маша вела себя сегодня очень плохо, грубила бабушке, замахнулась на нее рукой, не хотела после прогулки раздеваться, а когда бабушка стала отчитывать ее, назвала бабушку «**бабой-ягой**» (А. И. Пантелеев. Наша Маша (1966)).

3) Некрасивая, неопрятно одетая, чаще старая женщина:

Баба-яга в докторском халате, сидевшая за письменным столом с тремя телефонами и аппаратом для измерения кровяного давления, даже не потрудилась меня исследовать (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975 – 1977)).

Уж и не знаю, почему одна влезет в копеечную шмотку и становится просто королевой, а другая опустошит бутик и все равно похожа на **Бабу-Ягу** (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)).

Декламируя стихи, он сильно походил на влюбленную **Бабу Ягу** (Мириам Гамбурд. Рассказы // «Звезда», 2002).

Теперь Хэл в каждой даме, будь она хоть **баба яга**, сечет только внутреннюю красоту, напрочь не замечая ее внешних, мягко выражаясь, изъянов, а все очаровашки с подлючим нутром для него отныне, мурлоподобные скряги (Андрей Гусев. Кино, видео (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12).

Кстати, графиня в спектакле не была **Бабой-Ягой**, как обычно, – она одевалась, как молодая... (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

4) Одинокая женщина, живущая вдали от людей:

– Ты...как можно...ты ничего не понимаешь, вот... в лесу своем сидишь, как **Баба Яга**. Сзади дверь в горенку была полуоткрыта и оттуда нет-нет да и показывалась Симка, строго зыркала глазами на старуху, словно окрикивала: –уу, **Баба Яга** и снова скрывалась за ободвериной, а Нюра жалостливо и туманно подсматривала за девкой, вроде бы умоляла простить ее в чем.

– И не стареешь... хотя молодуха ведь... В бабы ко мне хошь? Я слободен, ха-ха... **Баба Яга**.

– Ну-ко встань, я к тебе примерюсь. **Баба Яга**, костяная нога... Запела хрипло, усмехнулась (Владимир Личутин. Вдова Нюра (1973)).

Следует отметить, что, употребляясь в качестве прецедентного имени, оним Баба Яга сохраняет двойственность восприятия и в современных текстах:

То же самое можно сказать и по второму аргументу: Березовский осознанно или неосознанно выступает носителем мифологической роли **Бабы-Яги** по-своему опасной, но, скорее, не врага, а волшебного, сверхъестественного помощника, способного дать главному герою ту информацию или те предметы, которые необходимы для достижения сакральной цели (Станислав Белковский. Политика – театр тотемов (генеральный директор совета по национальной стратегии отвечает на вопросы наших корреспондентов) (2003) // «Завтра», 2003.02.18).

Таким образом, прецедентность имени Баба Яга является очевидной. За онимом давно и прочно закрепились определённые коннотации (чаще отрицательные) и сознание, что делает это личное имя именем-понятием.

Список использованной литературы

1 Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 286 с.

2 Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.

3 Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.

4 Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986, – 240 с.

5 Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имён в русском языке (общая характеристика и словарные статьи на букву В) / Е. С. Отин // Слово и мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии наук и искусств: Сб. научн. тр. Гуманит. науки. Вып. 2. Донецк, 2001, С.32 – 79

6 Норман, Б. Ю. Лингвистика каждого дня / Б. Ю. Норманн. – Мн. : Вышэйш. шк., 1991, – 303 с.

7 Википедия [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 04.10.2023.

8 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 03.10.2023.

The article deals with the proper names, which are drawn from Russian folklore texts, that have become a means of allegory and turned into the words-concept.